

ТАКАЯ РЕАЛЬНАЯ МАГИЯ

Несмотря на сдержанные прогнозы, российский книжный рынок продолжает радовать бестселлерами. Пока погода не балует теплом, изучаем новинки, чтобы коротать вечера под пледом.

"Сердце бури", Хилари Мантел

"Я стала писательницей исключительно потому, что упустила шанс стать историком", – говорит дважды лауреат Букеровской премии, дама-командор ордена Британской империи Хилари Мантел. Но досадное, по мнению Мантел, упущение обернулось счастьем для многих читателей: мало кто из современных авторов умеет создавать настолько достоверные и яркие образы ушедших эпох.

"Сердце бури", первый роман Мантел, увидел свет в 1992 году. Он описывает события между падением старого французского режима и пиком революционного террора с точек зрения трех молодых юристов, оказавшихся в Париже в 1789 году.

Первый, Жорж-Жак Дантон, трудолюбивый, пробиравший, но погрязший в долгах – тот, кто в июле 1791 года призывает народ на Марсовом поле подписать петицию о низложении короля. Второй – Максимилиан Робеспьер по прозвищу Неподкупный, суровый педантичный одиночка, ученик каноника и стипендиат аббатства, который впоследствии выступит за политику дехристианизации. Третий, Камилль Демулен, – заика и гениальный оратор. Он обожает лезть, шумиху и сочиняет памфлеты, поддерживая пламя восстания. Позже именно Камилль в своих статьях станет призывать революционное правительство к милосердию и ослаблению террора.

Каждый из главных героев был обузой для своей семьи. Каждый в юности был отправлен с глаз долой и выстроил карьеру вопреки чужим ожиданиям. Они живут интригами и борьбой за свободную от коррупции Французскую республику, но не подозревают, что у революции есть темная сторона, дружить им осталось недолго, и смерть тоже бродит неподалеку. Впрочем, в те годы "средняя продолжительность жизни увели-

чилась почти до двадцати девяти лет", и гибель на четвертом десятке не слишком выбивалась из общей статистики.

В рецензии 1993 года "Нью-Йорк Таймс" ругал роман за излишнюю современность диалогов – "автору из XX века не так то просто поставить себя на место революционера века XVIII, и иногда ее диалоги напоминают пародию на исторический роман" – и советовал "мисс Мантел" уделить больше внимания художественной прозе и меньше – истории. Здесь больше придинок, чем правды, к тому же некоторая "современность" диалогов работает на восприятие текста читателем. Проза Мантел не тяжеловесна, не перегружена фактами и ненужными деталями из научных статей; портрет эпохи и ее героев набросан яркими мазками, небольшими эпизодами, каждый из которых важен для трехмерной исторической картины.

Возможно, в романе много вато второстепенных героев: от дедов, отцов, сестер, теток, любовниц и жен до Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Персонажи появляются, тут же пропадают, и в итоге количество действующих лиц поражает воображение. С другой стороны, как ни удивительно, в них не путаешься.

Особенное внимание уделено личной жизни революционеров, о которой мало что известно. Именно с помощью личного Мантел заставляет дышать изображения из учебников и переносит читателя в Париж конца XVIII века. Предчувствие беды нарастает, бедность народа и безразличие короля и королевы к происходящему в стране неотвратимо ведут к кровопролитию и революции, и эта неотвратимость ощущается с первых же страниц.

"Семь мужей Эвелин Хьюго", Рейд Тейлор Дженкинс

Голливудская дива – это некий собирательный образ, сразу в голову приходят Мэрилин Монро или Элизабет Тейлор. Книга "Семь му-

жужей Эвелин Хьюго" рассказывает как раз о такой диве, правда, выдуманной. Ее зовут Эвелин Хьюго, и на склоне лет она решает, что готова поведать детали своей биографии начинающей журналистке. Но что расскажет о себе легенда Голливуда, будут ли ее слова правдивы и как справиться с заданием неопытная журналистка? Увлечательная история в роскошной атмосфере полного секретов, глянцевого, но чарующего старого Голливуда.

время "плохая" – настоящая – Мэрион напоминает о себе все чаще. Мэрион надеется, что ее дети растут хорошими людьми, они-то не совершат ошибок. Она еще не знает, что такой благообразный Клем записался добровольцем в армию и собирается во Вьетнам, популярная, принадлежащая к школьной элите Бекки влюбилась в музыканта и впервые накурилась, а средний сын Перри пьет, торгует травкой, умело использует людей в своих целях и боится, что медленно сходит с ума.

"Перекрестки" – это первая часть трилогии "Ключ ко всем мифологиям", рассказывающей о жизни трех поколений семьи из пригорода Чикаго. Название трилогии – кивок викторианскому роману Джордж Элиот "Мидлмарч" – именно так назывался проект, которым всецело поглощен один из героев, ученый и священник мистер Кейсобон. А название книги отсылает и к песне Роберта Джонсона, и к жизненным перекресткам героев: каждый сделанный выбор приводит к перекрестку следующему.

Действие ограничено небольшим промежуток времени – Рождество и Пасха, – в который Франзен по своему обыкновению вписывает воспоминания о десятках предшествующих лет.

Франзен выпустил "Перекрестки" после шестилетнего перерыва. На 600 страницах он неспешно раскрывает каждого персонажа, вплетая его историю в историю страны. Его герои вновь живут на окраине окраин, сжаты рамками условностей и обстоятельств, стенами неуютных домов.

В целом каждый из героев переживает кризис, старается быть хорошим, совершает социально одобряемые поступки, будто прикрывает ими настоящего себя и испускает вину, но лишь тонет в стыде.

"Перекрестки" заканчиваются чуть смазанными кульминациями и открытым финалом – как и полагается первой части трилогии. И она вне всякого сомнения станет новым "большим американским романом".

"Окультиррегер", Алексей Сальников

Как-то незаметно Алексей Сальников, автор "Петровых в гриппе", стал одним из самых модных и обсуждаемых современных русских писателей. Лауреат премии "Национальный бестселлер", финалист премий "Большая книга" и "НОС" презентует новый роман "Окультиррегер". В нем в уже привычной для Сальникова манере реальное переплетается с магическим. Сальников придумал окультиррегеров – особых существ, чья задача сохранять тепло остывающих городов и быть посредниками между людьми, херувимами и чертями. Главная героиня Прасковья как раз и есть такой окультиррегер, оказавшийся в опасной ситуации.

"Комемадре", Роке Ларраки

1907 год. Рекламная листовка клиники "Темперли" в пригороде Буэнос-Айреса обещает неизлечимым больным исцеление с помощью чудодейственной сыворотки. Согласные поверить во все что угодно, они приезжают в клинику, где им дают плацебо. После сообщают, что очень жаль, сыворотка не помогла, но пациент может napослeдoк послужить науке – позволить отрубить себе голову.

Врачи в "Темперли" и не пытаются никого излечить, перед ними стоит высшая, по их мнению, цель: узнать, что же там, за гранью смерти. Они полагают, что после обезглавливания человек находится в сознании еще девять секунд, и рубят шею аккуратно, чтобы не повредить речевой аппарат, – вдруг голова расскажет, что видит и что чувствует. И головы говорят. Одна проблема – в результате остается слишком много трупов, и неясно, как от них избавиться.

Рассказчик, доктор Кинтана, вспоминает про растение комемадре: его сок дает жизнь микроскопическим личинкам-матрифагам, которые пожирают и само растение, и мертвое тело, не оставляя от них и следа.

Сто лет спустя флакон со спящими личинками из комемадре и дневник Кинтаны попадает в руки его правнука, друга знаменитого художника. Теперь на месте одержимых врачей

оказываются люди творческие, мастера перформанса и инсталляций, готовые пожертвовать собственным телом, чтобы создать зрелищный арт-объект и войти в историю мирового искусства.

Роке Ларраки – аргентинский сценарист и писатель. Его отец был психиатром, брат – психотерапевтом, а мать работала в клинике. Детство Ларраки прошло в доме, больше похожем на кабинет психиатра, и это, несомненно, стало вдохновением для первой части романа. Нечто фрейдистское чудится и в названии книги. Как Ларраки объясняет в интервью, в испанском нет слова "комемадре". Он придумал его, отсылая к словосочетанию "поедая мать".

В 2018 году "Комемадре" был переведен на английский и вошел в лонглист Национальной книжной премии США. Шокирующий, абсурдный, макабрический и потрясающе смешной (по аннотации не скажешь, но так и есть), он говорит о грани между жизнью и смертью: не только в буквальном смысле, но и в смысле гибели человечности и разума. Где заканчивается эксперимент и когда его можно считать завершенным? И есть ли предел познанию, самовыражению, желанию обессмертить свое имя? Подмигивая, посмеиваясь и прикрываясь фантастическими, Ларраки намекает: самые жуткие монстры живут рядом с нами и верят в высшее благо, которое принесут их действия.

"Степь", Оксана Васякина

Поэтесса Оксана Васякина буквально ворвалась в мир прозы со своей книгой "Рана", выигравшей премию "НОС". "Степь" – вторая часть автобиографического диптиха, посвященного родителям, детству и взрослению персонажа, во многом, если не во всем, списанного с самой Оксаны. В "Степи" она исследует фигуру отца-дальнобойщика, с которым в детстве часто путешествовала по дорогам Центральной России.

Проза Оксаны Васякиной резкая и откровенная, заставляющая мучительно глубоко думать о том, что же на самом деле представляет собой национальная, сексуальная, человеческая идентичность.

"Дом Волчиц", Харпер Элоди

В современной литературе есть тренд на переосмысление древних мифов с точки зрения современной повести (тут уместно вспомнить книги Мадлен Миллер). "Дом волчиц" рассказывает о судьбе женщин в Древних Помпеях. Героиня этого романа продала в рабство в дома терпимости. Столетия такие истории рассказывались с точки зрения мужчин, но писательница Элоди Харпер дает голос женщинам, воображаемым участницам тех событий.

"Жена", Мег Вулицер

Роман Мег Вулицер вышел еще в начале нулевых, созданный по нему фильм с Гленн Клоуз в главной роли успел получить номинацию на "Оскар". Это история женщины, вынужденной жить в тени своего мужа, прославленного писателя. Она и сама одарена талантом сочинять истории, однако противостояние с мужчиной может быть слишком выматывающим. "Жена" Мег Вулицер – о браке, об отношениях, писательстве и о цене свободы.

"Лето злых духов убумэ", Кёгоку Нацухико

Если вы любите классические детективы и неравнодушны к японскому фольклору, хватайте бестселлер "Лето злых духов убумэ", который сочетает в себе японский сеттинг, черты мистики и эзотерики и, конечно, забористый хонкаку-детектив, то есть детектив, выстроенный по классическому европейскому канону.

1952 год, Токио. По городу ползут слухи о том, что семья Куондзи, старинный род врачей, проклята, а их младшая дочь забеременела младенцем-демоном и не может разрешиться от бремени вот уже 20 месяцев. Странная загадка случайно попадает в руки владельца букинистического магазина.

Подготовил Карл ФИШЕР.



жилась почти до двадцати девяти лет", и гибель на четвертом десятке не слишком выбивалась из общей статистики.

Но важны не только идеалисты-революционеры. Пятнадцать лет роман не находил издателя, а когда нашел, Мантел перечитала рукопись и обнаружила, что женские персонажи "Сердца бури" скорее "исполняли роль мебели". Она переписала роман за одно лето, добавив глубины характерам героинь. У Мантел получилось точно передать, каково это – всегда находиться в тени отцов и мужей, великих и не очень, и пытаться сохранить самообладание даже в нарастающем безумии и беспорядках. Насколько хрупким, однообразным и лишенным выбора было женское существование в то время. Ведь можно умереть при родах, как мать Робеспьера ("Пятерых за шесть лет. А чего вы хотели? Ее везение иссякло"). Или, как несчастная Люсиль Демулен, выйти за мужчину, одержимого ее матерью, и потом вместе с другими женами и вдовами оказаться смятой "тиранией свободы". Принципы и идеалы одних быстро переплавлялись в террор и с легкостью сжигали других.

же Эвелин Хьюго" рассказывает как раз о такой диве, правда, выдуманной. Ее зовут Эвелин Хьюго, и на склоне лет она решает, что готова поведать детали своей биографии начинающей журналистке. Но что расскажет о себе легенда Голливуда, будут ли ее слова правдивы и как справиться с заданием неопытная журналистка? Увлечательная история в роскошной атмосфере полного секретов, глянцевого, но чарующего старого Голливуда.

"Перекрестки", Джонатан Франзен

Преподобный Расс Хильдебранд, пассивно-агрессивный и неуверенный в себе пастор Первой реформатской церкви, без особого успеха борется со страстью к одной из прихожанок, молодой вдове. Его жена Мэрион давно потеряла привлекательность и внимание мужа и не может отделаться от мучительных воспоминаний о событиях двадцатилетней давности, после которых она угодила в психиатрическую клинику. Мэрион считает, что дурное случилось с ней, потому что она была плохой девочкой, и старается быть для Расса хорошей. Вот только последнее